

СКАЗКИ БЕЛОГО ЛЕСА

ПОЛИНА ЖАНДАРМОВА
Родилась в 1990 году.
Окончила Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет,
биолого-химический факультет,

живет в Белгороде. Участник
мастерской прозы в рамках
образовательного форума
«Таврида». Автор поэтических
и прозаических сюжетов в жанре
городского фэнтези.

История первая

У меня было два пера с разных крыльев от разных птиц, да в груди одна дыра и десяток угрюмых лиц. Коршун первое мне отдал да проклятием одарил, чтоб отныне я не летал, чтоб отныне я не творил. У него не перо, а тьма, черный морок да лютый сглаз. От него я схожу с ума и не вижу ничьих я глаз, кроме этих угрюмых лиц.

А проклятье как мир старо – чернодушие и тоска. То, что пишет мое перо, – не рубить, а сжигать. И сказ обрывать на начале букв, не давая рождать слова. В них не слышится сердца стук и душа в них давно мертва.

Только тени угрюмых лиц.

А второе – лебяжий пух, невесомость и простота. В нем хранится всевышний дух и бескрайняя красота. Малословие. Глубина. Бесконечность седых вершин. Невесомость и тишина. Мудрость тысячи сот морщин.

Одного. Одного лица.

Я б второе перо да взял, я б одним только им писал. Только я не дорос. И мал.

И лицо то давно продал. Предал я тот лебяжий пух. Огрубела моя рука. И отныне и слеп, и глух, и со мною одна тоска.

По тому, одному лицу.

Мне назад обратить бы круг, повернуть вены-реки вспять, чтобы срезать ивовый лук, чтобы в руки его мне взять, чтобы коршуна погубить да десяток угрюмых лиц.

Только ива уж не растет, черен дух, коршун в грудь клюет.

И зияет дыра-кольцо. И глядит в не мое лицо.

История вторая

У меня было братьев пятеро и один. Говорил – не разлучить нас и до седин – самый старший. И твердили ему в ответ остальные – никого нас сильнее нет.

Младший умер – мне не стукнуло и пяти. В лес ушел – не воротился. И не найти до сих пор ему покоя. Из ночи в ночь он стоит у изголовья, молит помочь. Я в ответ молчу. Он – скалится и сипит. А под утро в свете солнца огнем горит. А в ночи все повторится из раза в раз. Я его жалею холодом темных глаз.

Предпоследний сгинул – стало едва мне шесть. Напоролся ночью темной на ржавый шест, что торчал в овраге диком, среди лесов. Стал он самым ненавистным из темных снов.

Как коснется леса сумрачная пора – он приходит и глядит. А в груди – дыра. Тянет руки, ждет полуночную зарю. Я в ответ ему молчанье одно дарю.

КРУГЛОЕ ЗДАНИЕ

- Баб, а баб, а Расскажи сказку, а?
- Ишь ты, сказку, спи давай! Ночь на дворе!
- Ну Ду-у-уся-бабу-уся... ну пожа-алуйста-а-а-а, – привычно затянул детский голосок.
- И баба Дуся, поворчав скорее по привычке, чем по недовольству, все же сдалась.
- Ну и какую тебе сказку рассказать-то, а?
- Мальчонка-пятилетка задумался, припоминая все сказочные истории, что рассказывала баба Дуся перед сном. Про неведомые дали и высокие горы, про бескрайние поля и темные леса. Про диких зверей и несметные богатства, что хранились в темных пещерах.
- Ну? Иль передумал? – строго спросила баба Дуся.
- И внук тут же затараторил.
- Новую Расскажи! Про то, что я еще не слышал! И такую, ну знаешь, чтоб ее проверить можно было!
- Что проверить? Сказку? Ишь ты чего удумал! Сказки для того и есть, что они не проверяются!
- Ну баба Ду-уся-я, – снова заканючил малец.
- И баба Дуся, усмехнувшись, поправила одеяльце, надвинула его по самую шею внука и, прокашлявшись, заговорила тихо и размеренно.
- В таком-то царстве, в растаком государстве...
- В нашем? – тут же перебил внук.
- В нашем, в нашем! А если ты, Филипка, перебивать будешь, пойду коту рассказывать! – пригрозила баба Дуся, и Филипка тут же замолчал.
- В царстве-государстве, что на меловых горах росло да реками прозрачными омывалось, поселился темный колдун Грай.
- Злой? – Из-под одеяла заблестели глазенки-бусинки.
- Могущественный! Очень могущественный! – тут же подхватила баба Дуся.
- И злой! – не сдавался Филипка.
- Да что ты заладил, злой да злой? Слушать будешь? А?
- Молчу! – Филипка тут же юркнул под одеяло и затаился, вслушиваясь в тихий голос бабки.
- Стал Грай волшебу творить, леса да болота сонные подчинять, народ угнетать. Тьму на земли меловые впустил, и потянулась она вглубь да вширь, черными реками отравляя хрустальные воды. И не было от него спасенья – сколько воеводы ни собирали дружины, чтобы на битву великую вызывать Грая, сколько ни уходили в походы – все одно, поражения терпели. Потому что имел Грай силу великую вороном черным оборачиваться да слухи собирать, что ветер на облаках крутых носил. Да зрелища видеть, что глаза лесных зверей выдывали. И не было от него спасенья ни на земле, ни на воде, ни в воздухе.

Филипка вздрогнул, представляя себе черного колдуна. Ему виделся высокий силуэт, окутанный тьмой. А еще он чувствовал неотрывный взгляд, проникающий сквозь стены и одеяло, цепкий, холодный. И Филипка сильнее кутался в одеяло, продолжая внимательно вслушиваться в голос бабы Дуси.

- Долго Грай держал в страхе округу. Пока не прошел слух, что в соседней деревне красавица есть...
- Что не можно глаз отвести? – тут же оживился Филипка, сменяя в воображении образ темного злого колдуна на прекрасную девушку.
- Ага, именно так. Авдотья-краса, русая коса.
- И что же, чародей влюбился в нее? И стал добрым? – нетерпеливо заерзал Филипка.
- Нет! Она хитрая оказалась. В клетку каменную его заманила, заточила и народ спасла от темных делишек его! А теперь быстро спи! Иначе бабаю отдам!

Филипка запищал и юркнул под одеяло. Затаился, а через несколько мгновений размеренно засопел – сон одолел мальчика. Баба Дуся медленно поднялась с кровати, подоткнула одеяльце и вышла из спальни. Встала у окна, внимательно глядя в безлунную ночь. А мысли ее унеслись далеко-далеко, сквозь времена и пространства. В тот день, когда явился к ней, молодой да веселой дочери мельника, Солнца луч. Было лето, и жар стоял над селением. Лишь в глубине, в пыльном мраке мельницы, таилась прохлада. Туда-то Авдотья и сбежала от подружек, укрываясь от летнего солнцепека. Подол сарафана взметнул мучную пыль, и сквозь пробивающийся в щели луч пылинки танцевали, кружась и вихрясь. Авдотья засмотрелась и испуганно вскрикнула, когда за спиной раздался тихий голос:

- Ну, здравствуй, краса! Веселишься да резвишься, пока над землей родной туча черная раскинулась, тьма затаилась?

Авдотья обернулась, но никого не увидела – лишь пылинки в солнечном свете кружились быстрее и резче.

- Черный колдун зло творит, земля стонет! Никто одолеть его не может! Лишь тебе скажу да расскажу, а ты – отцу своему. Вместе сотворите клетку каменную, чтобы колдуна-ворона поймать, в недрах земли-матушки заточить. Да стеречь потом годы и годы, лета и лета. Слышишь меня, дочь мельника?

Авдотья от страха речь человечью забыла. Тряслась, руками влажными сарафан весь измяла. И лишь кивнуть в ответ смогла.

И в тот же миг взметнулись вихрями золотистыми пылинки. И зазвучало Слово – как клетку каменную сложить да колдуна-ворона туда заманить, пути светлые накинуть да заклятьями сильными заточить.

Баба Дуся все стояла у окна, вспоминая и вспоминая, пока черный кот не запрыгнул на подоконник.

- Что, Авдотья, все тревожишься? – человеческим голосом заговорил кот.

Баба Дуся лишь тяжело вздохнула и отвернулась, задернув плотные шторы.

- Непокойно мне что-то, друг. Волнуется тьма в ночи, колышется. Будто хочет Грай-Ворон пробудиться да вырваться наружу.

– Клетка каменная прочна, а Слово крепко! Не тревожься понапрасну! Князь Хорват тебе в помощь вон какие надежные стены воздвиг, столько лет стоят, не колышутся. Все хорошо будет, вот увидишь! – зевнул кот.

Баба Дуся лишь еще раз вздохнула и отправилась спать к внуку.

Тот заворочался и в полусне прошептал:

- Баб Дусь, а наше Круглое здание и есть клетка для Грай-Ворона, да?
- Спи! Ночь на дворе! – тут же зашипела та, вновь поправляя одеяло.

Филипка еще покрутился немного с боку на бок и затих.

Ночь подмигнула темным глазом мальцу и вновь обернулась взором к Круглому зданию, что таило в себе древнюю силу.

Историческая справка.

Круглое здание – таинственное сооружение в Грайворонском районе Белгородской области. Ученые до сих пор не сходятся в едином мнении, для чего оно было выстроенное и какую функцию выполняло в средние века.

